

Помещение, где сидел англичанин, больше напоминало хлев, и пахло там потом, пылью, скотиной. «Стоило десять лет учиться, чтобы оказаться в такой дыре», — думал он, рассеянно перелистывая химический журнал.

Однако отступать было некуда. Надо было следовать знакам. Всю свою жизнь он посвятил тому, чтобы отыскать тот единственный язык, на котором говорит Вселенная, — для того и учился. Сначала он увлёкся эсперанто, потом религиями и наконец — алхимией. И вот теперь он свободно говорил на эсперанто, досконально знал историю разных вер, однако алхимиком ещё не стал. Да, конечно, кое-какие тайны он открыл, но вот сейчас намертво застрял и уже не мог продвинуться в своих исследованиях ни на шаг. Он тщетно пытался попросить помощи ещё у какого-нибудь алхимика — все они были люди чудаковатые, думали только о себе и почти всегда отказывали в совете и содействии. Может быть, они так и не сумели постичь тайну Философского Камня и оттого замыкались в себе?

Англичанин уже истратил на бесплодные поиски часть отцовского наследства. Он ходил в лучшие на свете библиотеки, покупал самые редкие, самые важные книги по алхимии — и вот в одной из таких книг вычитал, что много лет назад знаменитый арабский алхимик побывал в Европе. Уверяли, что ему больше двухсот лет, что он нашёл Философский Камень и открыл Эликсир Бессмертия. На англичанина это произвело сильное впечатление, но всё бы это так легендой и осталось, если бы один его приятель, вернувшись из археологической экспедиции в пустыню, не рассказал ему о некоем арабе, наделённом сверхъестественными дарованиями. Живёт он в оазисе Эль-Фаюм. Ему, по слухам, двести лет, и он умеет превращать любой металл в золото.

Англичанин тотчас отменил все свои дела и встречи, собрал самые нужные и важные книги — и вот он здесь, в дощатом бараке, похожем на хлев, а за его стенами большой караван, который собирается идти через пустыню Сахару, и путь его будет пролегать мимо оазиса Эль-Фаюм.

«Я должен своими глазами посмотреть на этого проклятого алхимика», — подумал англичанин, и даже вонь верблюдов показалась ему в эту минуту не такой уж невыносимой.

Тут к нему подошёл молодой араб с дорожными мешками за спиной и поздоровался с ним.

— Куда вы направляетесь? — спросил он.

— В пустыню, — отвечал англичанин и снова взялся за чтение.

Ему было не до разговоров: надо вспомнить всё, что он выучил за десять лет; вполне возможно, что алхимик захочет проверить его познания.

Юноша тем временем достал из заплечного мешка книгу и тоже стал читать. Англичанин заметил, что книга испанская. «Это хорошо», — подумал он, потому что по-испански говорил лучше, чем по-арабски. Если этот юноша тоже отправится в Эль-Фаюм, можно будет с ним поговорить в свободное время.

«Забавно, — думал тем временем Сантьяго, в очередной раз перечитывая сцену похорон, которой начиналась книга. — Вот уж почти два года, как я взялся за неё, а до сих пор не сдвинулся дальше этих страниц».

Рядом не было царя Мелхиседека, и всё равно он не мог сосредоточиться. Кроме того, отвлекали его мысли о том, верное ли решение он принял. Однако он понимал главное: решение в любом деле — это всего лишь начало. Когда человек решается на что-то, то словно ныряет в стремительный поток, который унесёт его туда, где он никогда и не помышлял

оказаться.

«Отправляясь на поиски сокровищ, я и не предполагал, что буду работать в лавке, торгующей хрусталём. Точно так же этот караван может оказаться моим решением, но путь его так и останется тайной».

Перед ним сидел европеец и тоже читал книгу. Сантьяго он показался человеком несимпатичным: когда юноша вошёл в барак, тот поглядел на него неприязненно. Это, впрочем, ничего — они всё равно могли бы подружиться, если бы он не оборвал разговор.

Юноша закрыл книгу — ему ничем не хотелось походить на этого иностранца. Вынул из кармана Урим и Тумим и стал перебирать их.

— Урим и Тумим! — вскричал вдруг европеец.

Сантьяго поспешно спрятал камни.

— Не продаются, — сказал он.

— Да и стоят недорого, — ответил тот. — Обыкновенные кристаллы, ничего особенного. На свете миллионы таких камешков, однако человек понимающий сразу узнает Урим и Тумим. Но я и не подозревал, что они встречаются в этих краях.

— Мне подарил их царь, — ответил юноша.

Чужеземец, словно лишившись дара речи, дрожащей рукой достал из кармана два камня — такие же, как у Сантьяго.

— Ты говорил с царём, — сказал он.

— А ты ведь не верил, что цари говорят с пастухами, — сказал Сантьяго, у которого пропала охота продолжать беседу.

— Наоборот. Пастухи первыми признали Царя, когда его ещё не знал никто в мире. Так что вполне вероятно: цари разговаривают с пастухами, — и англичанин добавил, словно опасаясь, что юноша не понял: — Об этом есть в Библии, в той самой книге, которая научила меня, как сделать Урим и Тумим. Бог разрешал гадать только на этих камнях. Жрецы носили их на золотых нагрудниках.

Теперь уж Сантьяго не жалел о том, что пришёл на склад.

— Быть может, это знак, — промолвил, как бы размышляя вслух, англичанин.

— Кто сказал тебе о знаках? — интерес Сантьяго рос с каждым мгновением.

— Всё на свете — знаки, — сказал англичанин, откладывая свою газету. — Давным-давно люди говорили на одном языке, а потом забыли его. Вот этот-то Всеобщий Язык, помимо прочего, я и ищу. Именно поэтому я здесь. Я должен найти человека, который владеет этим Всеобщим Языком. Алхимика.

Разговор их был прерван появлением хозяина склада.

— Повезло вам, — сказал этот тучный араб. — Сегодня после обеда в Эль-Фаюм отправится караван.

— Но мне нужно в Египет! — воскликнул Сантьяго.

— Эль-Фаюм находится в Египте. Ты откуда родом?

Сантьяго ответил, что он из Испании. Англичанин обрадовался: хоть и одет на арабский манер, а всё же европеец.

— Он называет знаки везением, — сказал он, когда хозяин вышел. — О, если бы я только мог, то написал бы толстенную энциклопедию о словах «везение» и «совпадение». Именно из этих слов состоит Всеобщий Язык.

И добавил, что встреча его с Сантьяго, тоже обладающим камнями Урим и Тумим, была не простым совпадением. Потом осведомился, не Алхимика ли разыскивает юноша.

— Я ищу сокровища, — ответил тот и, спохватившись, прикусил язык.

Однако англичанин вроде бы не придавал значения его словам и только сказал:

— В каком-то смысле — я тоже.

— Я и не знаю толком, что такое алхимия, — сказал Сантьяго, но тут снаружи раздался голос хозяина, звавшего их.

— Я поведу караван, — сказал им во дворе длиннородый темноглазый человек. — В моих руках жизнь и смерть всех, кто пойдёт со мной, потому что пустыня — особа взбалмошная и порою сводит людей с ума.

Готовились тронуться в путь человек двести, а животных — верблюдов, лошадей, ослов — было чуть ли не вдвое больше. У англичанина оказалось несколько чемоданов, набитых книгами. Во дворе толпились женщины, дети и мужчины с саблями у пояса и длинными ружьями за спиной. Стоял такой шум, что Вожатому пришлось несколько раз повторить свои слова.

— Люди здесь собрались разные, и разным богам они молятся. Я же признаю только Аллаха, а потому именем его клянусь, что приложу все усилия для того, чтобы ещё раз одержать верх над пустыней. Теперь пусть каждый поклянётся тем богом, в которого верует, что будет повиноваться мне, как бы ни сложились обстоятельства. В пустыне неповиновение — это гибель.

Раздался приглушённый гул голосов — это каждый обратился к своему богу. Сантьяго поклялся именем Христа. Англичанин промолчал. Это продолжалось дольше, чем нужно для клятвы — люди просили у небес защиты и покровительства.

Потом послышался протяжный звук рожка, и каждый сел в седло. Сантьяго и англичанин, купившие себе по верблюду, не без труда взобрались на них. Юноша увидел, как тяжело нагрузил его спутник своего верблюда чемоданами книг, и пожалел бедное животное.

— А между тем, никаких совпадений не существует, — словно продолжая давешний разговор, сказал англичанин. — Меня привёз сюда один мой друг. Он знал арабский язык и...

Но слова его потонули в шуме тронувшегося каравана. Однако Сантьяго отлично знал, что имел в виду англичанин: существует таинственная цепь связанных друг с другом событий. Это она заставила его пойти в пастухи, дважды увидеть один и тот же сон, оказаться неподалёку от африканского побережья, встретить в этом городке царя, стать жертвой мошенника и наняться

в лавку, где продают хрусталь, и...

«Чем дальше пройдёшь по Своей Стезе, тем сильнее она будет определять твою жизнь», — подумал юноша.

Караван двигался на запад. Выходили рано поутру, останавливались на привал, когда солнце жгло нещадно, пережидали самый зной и потом снова трогались в путь. Сантьяго мало разговаривал с англичанином — тот по большей части не отрывался от книги.

Юноша молча разглядывал спутников, вместе с ним пересекавших пустыню. Теперь они были не похожи на тех, какими были перед началом пути — тогда царила суета: крики, детский плач и ржание коней сливались с возбуждёнными голосами купцов и проводников.

А здесь, в пустыне, безмолвие нарушали лишь посвист вечного ветра да скрип песка под ногами животных. Даже проводники хранили молчание.

— Я много раз пересекал эти пески, — сказал как-то ночью один погонщик другому. — Но пустыня так велика и необозрима, что и сам поневоле почувствуешь себя песчинкой. А песчинка нема и безгласна.

Сантьяго понял, о чём говорил погонщик, хотя попал в пустыню впервые. Он и сам, глядя на море или в огонь, часами мог не произносить ни слова, ни о чём не думая и как бы растворяясь в безмерной силе стихий.

«Я учился у овец, учился у хрусталя, — думал он. — Теперь меня будет учить пустыня. Она кажется мне самой древней и самой мудрой из всего, что я видел прежде».

А ветер здесь не стихал ни на миг, и Сантьяго вспомнил, как ощутил его дуновение, стоя на башне в Тарифе. Должно быть, тот же самый ветер слегка ерошил шерсть его овец, бродивших по пастбищам Андалусии в поисках корма и воды.

«Теперь они уж больше не мои, — думал он без особенной грусти. — Забыли меня, наверно, привыкли к новому пастуху. Ну и хорошо. Овцы, как и каждый, кто странствует с места на место, знают, что разлуки неизбежны».

Тут ему вспомнилась дочка суконщика — должно быть, она уже вышла замуж. За кого? Может, за продавца кукурузы? Или за пастуха, который тоже умеет читать и рассказывать невероятные истории — Сантьяго не один такой. То, что он почему-то был в этом уверен, произвело на юношу сильное впечатление: может, и он овладел Всеобщим Языком и знает теперь настоящее и прошлое всех на свете? «Предчувствие» — так называла этот дар его мать. Теперь он понимал, что это — быстрое погружение души во вселенский поток жизни, в котором судьбы всех людей связаны между собой. Нам дано знать всё, ибо всё уже записано.

— Мактуб, — промолвил юноша, вспомнив Торговца Хрусталём.